

УДК 343.14

DOI: 10.24411/2587-9820-2020-10047

**Сергей Борисович Россинский,**

профессор кафедры уголовно-процессуального права

Московского государственного юридического университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

доктор юридических наук, доцент

## **ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПОТЕРПЕВШИЙ СУБЪЕКТОМ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ?**

**Аннотация.** Настоящей статьей автор продолжает цикл своих научных публикаций, посвящённых проблемам теории, законодательного регулирования и практики познания и доказывания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Методологически отталкиваясь от общих философских закономерностей познания людьми объективной реальности и логического обоснования своих умозаключений, одновременно принимая во внимание причины, побудившие законодателя ввести статус потерпевшего в систему уголовно-процессуального регулирования, автор приходит к выводу, что данный участник является полноценным субъектом доказывания по уголовному делу, для чего наделен широкими, но в то же время советующими своему статусу и предназначению правовыми возможностями.

**Ключевые слова:** исследование доказательств, представление доказательств, обоснование процессуального решения, оценка доказательств, уголовно-процессуальное доказывание.

**Sergey Borisovich Rossinskiy,**

Professor of the Criminal Procedure Department of the Moscow

State Kutafin Law University,

Doctor of Law, Associate Professor

## **IS A VICTIM A SUBJECT OF CRIMINAL EVIDENCE?**

**Abstract.** In this article, the author continues the cycle of his scientific publications, which are devoted to the problems of theory, legal regulation and the practice of knowing and proving the circumstances of a criminal case.

The author methodologically builds on the general philosophical laws of people's knowledge of objective reality and the logical justification of their conclusions.

At the same time, the author takes into account the reasons that prompted the introduction of victim status in the criminal procedure law.

As a result, the author comes to the conclusion that the victim is a full-fledged subject of evidence in a criminal case, and therefore he is endowed with broad legal capabilities that correspond to his status and purpose.

Keywords: investigation of evidence, justification of the procedural decision, assessment of evidence, submission of evidence, criminal procedure evidence.

Различные проблемы теории уголовно-процессуального доказывания и обусловленные ими трудности в нормативно-правовом регулировании соответствующих уголовно-процессуальных правоотношений традиционно представляли и продолжают представлять особую актуальность и интерес для научных исследований, порождая множество дискуссий. На сегодняшний день практически ни одна из этих проблем так и не получила окончательного разрешения.

На этом фоне одним из самых острых и обсуждаемых вопросов является вопрос о субъектах доказывания, т. е. участниках уголовного судопроизводства, наделенных определенными полномочиями или правомочиями, позволяющими работать с доказательствами, в той или иной степени воздействовать на формирование доказательственной базы и, таким образом, влиять на характер и содержание принимаемых юрисдикционных правоприменительных решений. По этому поводу в уголовно-процессуальной науке существуют два основных подхода.

Широкий подход предполагает включение в число субъектов доказывания всех участников уголовного судопроизводства, так или иначе задействованных в получении доказательственной информации, ее исследовании, проверке, оценке и (или) использовании для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [1, с. 37]. Вместе с тем ошибочно полагать, что высказанные в данном направлении точки зрения составляют какую-то общую, унифицированную позицию полных единомышленников. Широкий подход к пониманию субъектов доказывания носит весьма условный характер и имеет большую вариативность. Например, некоторые авторы относят к субъектам доказывания только лиц, играющих в уголовном процессе не разовую (эпизодическую), а постоянную, длительную роль [2, с. 75]. Традиционной для данного подхода также является дискуссия об эксперте как субъекте доказывания [3, с. 25—28] и т. д.

Сторонники узкого подхода понимают под субъектами доказывания лишь тех участников уголовно-процессуальной деятельности, которые наделены государственно-властными юрисдикционными полномочиями, позволяющими самостоятельно формировать новые доказательства, принимать решения о приобщении к уголовному делу представленных доказательств или, наоборот, о признании доказательств недопустимыми, а также издавать на основе имеющихся доказательств различные правоприменительные акты (органы дознания, следователя, прокурора и суд) [4, с. 35—36; 5, с. 472]. Хотя и здесь существуют варианты. Например, встречаются мнения об исключе-

нии из числа субъектов доказывания суда, являющегося не более чем независимым арбитром в споре сторон [6, с. 14—15] и т. д.

Замысел настоящей статьи не охватывает рассмотрение всех дискуссий, ведущихся этом сегменте уголовно-процессуальной науки. Также не хотелось бы подробно останавливаться на анализе каждого из участников уголовного судопроизводства, дабы высказать свое мнение относительно того, является ли он субъектом доказывания или нет. Реализация столь крупного и амбициозного научного проекта в рамках сравнительно небольшой публикации просто невозможна. Более разумным представляется сконцентрировать внимание лишь на одном из участников уголовно-процессуальной деятельности — на потерпевшем. Хотя при этом необходимо учитывать, что потерпевший не наделен каким-то особым, уникальным статусом, и его правовые возможности, как в досудебном, так и в судебном производстве, во многом (по крайней мере, в какой-то части) совпадают с возможностями других субъектов, преследующих в уголовном деле личный, представляемый или защищаемый интерес (подозреваемого, обвиняемого, защитника, субъектов производства по гражданскому иску и пр.). Поэтому высказанные в статье суждения в некотором роде приемлемы и для указанных лиц.

Забегая вперед, сразу хотелось бы обратить внимание на то, что широкий подход к пониманию субъектов доказывания представляется более разумным и справедливым, поскольку максимально отражает преэминентность доказывания по отношению к объективно существующим законам гносеологии и формальной логики, т. е. позволяет в предельно допустимой степени гармонизировать уголовно-процессуальную теорию с реальными жизненными потребностями правоприменительной практики. И, таким образом, потерпевшего следует признавать полноценным субъектом доказывания со всеми вытекающими из этого последствиями. Подобный тезис обуславливается, по крайней мере, двумя основными причинами.

Во-первых, общепризнанно, что доказывание предполагает не просто частный механизм уголовного судопроизводства, а занимает в нем особое, ключевое положение (является «душой» процесса [7, с. 12], заметно отличаясь от остальных процедур, входящих в его содержание. Ведь потребность в доказывании является основной причиной, предопределяющей как само существование, так и порядок реализации подавляющего большинства уголовно-процессуальных правоотношений. Ученые-процессуалисты уже неоднократно подчеркивали, что положения теории доказывания и нормы доказательственного права самым тесным образом связаны со всем уголовным судопроизводством, переплетены с его задачами, принципами, полномочиями следственных и судебных органов, взаимодействуют с системой процессуальных гарантий, правами вовлеченных в уголовное дело лиц и т. д. [8, с. 4; 9, с. 5 и т. д.]. Именно необходимость доказывания различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, детерминирует многоэтапный и многоаспектный порядок предварительного расследования и судебного



разбирательства, характеризующийся достаточно длительными сроками, сложными юридическими процедурами и большим количеством участвующих субъектов. В противном случае (если на мгновение предположить возможность существования какой-то чудесной способности человека, например, судьи, изначально знать все необходимые обстоятельства, связанные с совершением преступления) производство по любому уголовному делу сводилось бы лишь к постановлению приговора.

И в этой связи возникает закономерный вопрос: если не участием в доказывании, то чем тогда вообще была вызвана надобность во введении статуса потерпевшего в сферу уголовно-процессуального регулирования? Может быть, необходимостью получить от данного лица показания об известных ему обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела? Нет, это не так, поскольку подобная задача прекрасно решается без признания лица потерпевшим, а посредством допроса свидетеля, кстати, проводимого в тождественном правовом режиме (ст. 187—191 УПК РФ). Возможно, правом лица на компенсацию нанесенного преступлением ущерба, вытекающим из ст. 52 Конституции РФ и ч. 4 ст. 11 УПК РФ? Нет, это тоже далеко не так, потому как причинный вред подлежит возмещению независимо от участия данного лица в уголовном судопроизводстве. Согласно указанной конституционной норме компенсация причиненного ущерба является обязанностью государства и в силу прямого действия Конституции РФ не может ставиться в зависимость от наделения лица формальным уголовно-процессуальным статусом. Кстати сказать, весьма примечательно, что развивающая данное положение ч. 3 ст. 42 УПК РФ вообще не находится в каком-либо системном единстве с иными частями той же статьи, закрепляющими права и обязанности потерпевшего; она существует как бы сама по себе и структурно включается в ст. 42 УПК РФ лишь для обеспечения системности уголовно-процессуального законодательства.

Представляется, что потребность в существовании статуса потерпевшего (не самого человека, пострадавшего от преступления, а процессуального статуса, предполагающего совокупность правомочий) обусловлена ничем иным как возможностью обеспечения его участия в уголовном преследовании и доступа к правосудию, что также вытекает из упомянутой ст. 52 Конституции РФ. Смысл всех его прав, предусмотренных ст. 42 УПК РФ (разве что, за исключением тех, которые тождественны правам свидетеля в части дачи показаний), сводится именно к возможности принимать наряду с органами предварительного расследования и прокурором участие в реализации функции обвинения и своими активными действиями влиять на изобличение обвиняемого (подозреваемого) в инкриминируемом ему преступлении или на возникновение иных неблагоприятных для него последствий. А наличием долгой и сложной процедуры уголовного преследования, как уже отмечалось выше, существующий механизм уголовной юрисдикции, обязан именно необходимости доказывания тех или иных обстоятельств, имеющих значение



для дела, поскольку в противном случае он сводился бы лишь к вынесению судебного акта, связанного с реализацией уголовного закона (обвинительного (оправдательного) приговора, постановления о применении принудительной меры медицинского характера и пр.).

Во-вторых, уголовно-процессуальное доказывание предполагает не сугубо правовую, а комплексную, синтетическую природу, основанную на философских закономерностях гносеологии и формальной логики, определяющих сущность познания различных сведений и обоснования соответствующих решений. В науке уже давно сложилось понимание доказывания как сложного комплекса познавательных, удостоверительных и аргументационных приемов, направленных на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела [10, с. 92; 1, с. 32—33; 11, с. 299; 12, с. 17 и т. д.]. Хотя при этом все же следует обратить внимание, что дискуссия о сущности доказывания пока не завершена, и отдельные ученые высказывают иные точки зрения [13, с. 14—15].

Доказывание нельзя рассматривать только как процессуальное познание, только как основание правоприменителем принимаемого решения или, наоборот, только как направление логических посылов внешнему адресату (правоприменителю) с одной лишь целью — убедить его в правильности собственного тезиса и ошибочности позиции процессуального оппонента. Любой вывод, тем более связанный с установлением обстоятельств уголовного дела, не может появиться из ниоткуда; он всегда основывается на предварительном познании различных сведений, позволяющих соответствующему субъекту вначале сформировать свое собственное видение проблемы и правовых способов ее разрешения, а уж затем — постараться убедить в этом иных лиц.

Ввиду все тех же единых закономерностей гносеологии и формальной логики эти механизмы пронизывают деятельность любых участников уголовного судопроизводства независимо от возложенных на них функций. И познавательный (познавательно-удостоверительный), и аргументационно-логический этапы доказывания свойственны как государственным органам (должностным лицам), так и заинтересованным участникам процесса.

Потерпевший, как полноценный субъект уголовного судопроизводства со стороны обвинения, желая принимать активное участие в уголовном преследовании, тоже не является исключением. Хотя при этом механизмы его познавательной или аргументационно-логической деятельности, конечно, отличаются от соответствующих механизмов, присущих работе дознавателя, следователя, прокурора либо суда, поскольку обусловлены совершенно иным предназначением и особенностями его процессуального статуса.

Например, осуществляемое потерпевшим познание обстоятельств уголовного дела вообще не характеризуется жесткой формализацией и проводится в достаточно свободном режиме. Но это вовсе не означает его отсутствия. Например, потерпевший на разных этапах предварительного расследо-

вания и судебного разбирательства вправе знакомиться с различными материалами уголовного дела, в частности, с изданными по делу судебными и следственными актами, с протоколами следственных действий, с приобщенными к уголовному делу материалами оперативно-розыскных мероприятий, с постановлениями о назначении судебной экспертизы и заключениями эксперта (сообщениями о невозможности дать экспертное заключение), а также протоколом его допроса, с вещественными доказательствами, иными документами, заявленными по уголовному делу ходатайствами и поданными жалобами и т. д. Кроме того, потерпевший имеет право участвовать в судебном заседании первой и последующих инстанций, лично воспринимая исследуемую судом информацию, задавая вопросы другим субъектам уголовного судопроизводства и пр. Из смысла закона вытекает и еще одна познавательная возможность потерпевшего — предварительно ознакомиться с предметами и документами, которые он, согласно п. 4 ч. 2 ст. 42, в системном единстве с ч. 2 ст. 86 УПК РФ вправе представлять для приобщения к уголовному делу. В противном случае, т. е., не осознавая познавательную ценность или бесполезность данных объектов, потерпевший просто не сможет выбрать правильную тактику своего участия в уголовном преследовании и понять, стоит ли вообще представлять их дознавателю, следователю или суду.

Аргументационно-логический аспект доказывания применительно к деятельности потерпевшего носит в первую очередь «экспортный» характер и сводится к обоснованию им своих позиций перед дознавателем, следователем, судом посредством ранее накопленной информации. В частности, потерпевший имеет право заявлять различные ходатайства, приносить жалобы, участвовать в обсуждении иных ходатайств и жалоб, выступать в судебных прениях, используя свои устные либо письменные аргументационно-логические способности и навыки, пытаться убедить субъекта правоприменения в разумности и справедливости высказываемых им аргументов и доводов, а также в ошибочности других аргументов и доводов, противоречащих его интересам. В п. 11 постановления Пленума Верховного суда от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» специально обращается внимание на то, что потерпевшему, его представителю, законному представителю на любом этапе уголовного судопроизводства должна быть предоставлена возможность довести до сведения суда свою позицию по существу дела и те доводы, которые он считает необходимыми для ее обоснования. При этом суду следует учитывать доводы потерпевшего по вопросам, которыми затрагиваются его права и законные интересы, и дать им мотивированную оценку при принятии судебного решения.

На наш взгляд, потерпевший в определенном смысле выступает и субъектом оценки доказательств, поскольку «экспорт» своей позиции в адрес дознавателя, следователя, суда невозможен без предварительной интеграции накопленных (познанных) сведений в соответствующие доводы и аргументы.

Правда, подобная «внутренняя» (как бы собственная) оценка не имеет юридических последствий, т. к. указанный участник не наделен государственно-властными полномочиями по принятию юрисдикционных решений. Но, тем не менее, игнорировать факт ее существования — значит попросту опровергать общие законы гносеологии и формальной логики, данные людям «свыше» и не зависящие ни от какой процессуальной формы.

Таким образом, на основании всего изложенного мы приходим к выводу о том, что потерпевший является полноценным субъектом доказывания по уголовному делу и наряду с иными участниками уголовного судопроизводства (дознавателем, следователем, прокурором, судом, а также защитником, подозреваемым, обвиняемым и другим заинтересованными лицами) обладает широкими, но при этом советующими своему статусу и предназначению процессуальными возможностями для полноценного восприятия (познания) необходимой информации, ее анализа, оценки, формирования на её основе доводов и аргументов, а также их «эксперта» в адрес правоприменителей в целях оказания влияния на характер и содержание принимаемых юрисдикционных решений.

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю. К. Орлов. — М.: Юрист, 2009. — 175 с.
2. Лазарева В. А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учеб.-практ. пособ. / В. А. Лазарева. — М.: Высш. образование, 2009. — 344 с.
3. Кудрявцева А. В. Является ли эксперт субъектом доказывания / А. В. Кудрявцева // Российский судья. — 2005. — № 6. — С. 25—28.
4. Зажицкий В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ / В. И. Зажицкий. — СПб: Юрид. центр «Пресс», 2015. — 439 с.
5. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. — М.: Статут, 2016. — 1278 с.
6. Татаров Л. А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук Л. А. Татаров. — Ростов н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России, 2007. — 29 с.
7. Шейфер С. А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики / С. А. Шейфер. — М.: Норма, 2015. — 110 с.
8. Каз Ц. М. Доказательства в советском уголовном процессе / Ц. М. Каз. — Саратов: Саратовский госуниверситет, 1960. — 106 с.
9. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. — М.: Юрид. лит., 1973. — 736 с.
10. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств / В. Д. Арсеньев. — М.: Юрид. лит., 1964. — 179 с.
11. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — Т. 1. / М. С. Строгович. — М.: Наука, 1968. — 470 с.
12. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С. А. Шейфер. — М.: Норма, 2008. — 240 с.
13. Татаров Л. А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л. А. Татаров. — Ростов н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России, 2007. — 29 с.